

**ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1905–1907 гг.
ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКИХ РАБОЧИХ
И СОЗДАНИЕ СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ**

Положение рабочих и стачки 1904 года. 27 января 1904 г. началась русско-японская война, ухудшившая и без того тяжёлую жизнь иваново-вознесенских рабочих.

Недовольство рабочих проявлялось в различных формах. Делегации рабочих обращались к фабричному инспектору с жалобами на тяжёлое положение, велись резкие разговоры с хозяевами на дворе у контор о понизившейся заработной плате, подавали требования, сопровождавшиеся иногда кратковременной забастовкой.

14 апреля 1904 года вследствие понижения расценок забастовали литейщики завода Калашникова. Иваново-Вознесенская группа «Северного комитета» в связи с этим выпустила и распространила среди рабочих прокламацию «Ко всем иваново-вознесенским рабочим». В ней говорилось: «...Товарищи! Третий раз в течение года калашниковские рабочие должны подниматься на защиту своего куска хлеба от наглого грабежа капиталиста. Только эта усиленная борьба, эта постоянная готовность отстаивать свои права на существование, мешает их хозяину довести своих рабочих до самого жалкого положения... Окончательное же изменение нашей печальной участи произойдёт лишь тогда, когда мы, сбросив самодержавие, возьмём в свои руки управление всеми делами государства и пойдём в царство социализма. Да здравствует политическая свобода! Да здравствует социализм!»¹

В 1904 г. несколько раз бастовали рабочие прядильной фабрики Бакулина, где условия работы были особенно тяжелы. «Работают с «пуда», и с каждого пуда обманывают и обвешивают. Если на других прядильных зарабатывают по 35 коп., то здесь заработок около 25 коп. Напрасно требовали прядильщики работы с «номерами» (автоматические указатели количества работы), напрасно обращались к фабричному инспектору. Первый раз прядильщики бросили работу в январе. Но тогда холод и голод сейчас же загнал их обратно. После «пасхи» бросают вторично, фабричный инспектор обещал «похлопотать».

Наконец, 27 мая 80 ватерщиц в третий раз бросают работу и снова выставляют свои требования. Полиции надоела эта возня. Являются 30 казаков, и начинается «война с бабами»... За разброску листов была арестована одна женщина».²

3 мая бастовали ткачихи фабрики И. Гарелина, 10 июня и 10 сентября – рабочие фабрики Д. Бурылина.

Поражение царских войск на фронте, продолжавшиеся мобилизации, уси-

ление эксплуатации углубляли ненависть к правительству и капиталистам и делали рабочих ещё более восприимчивыми к революционной пропаганде.

Полиция пыталась организовать среди иваново-вознесенских рабочих филиалы зубатовского союза. С. И. Балашов рассказывает: «Агенты Зубатова действовали открыто, предлагая печатные уставы зубатовского союза. И искатели легальных путей и возможностей борьбы с капиталом попадали на эту удочку, сами того не зная, что делались помощниками хитрого и ловкого жандарма-provokatora. Чтобы в корне уничтожить эту провокацию, комитет Иваново-Вознесенской группы РСДРП большевиков решил выпустить листовку с разъяснением роли и задач зубатовского союза. Листовка была отпечатана каучуковым шрифтом на квартире Калашникова и благополучно распространена».³

Партийная организация в 1904 г. Иваново-Вознесенская партийная организация вела широкую массовую работу. Около марта 1904 г. по поручению «Северного комитета» в Иваново-Вознесенск приехал С. В. Модестов (революционная кличка «Григорий»), революционер-профессионал, находившийся на нелегальном положении, энергично принявшийся за массовую работу.

Опираясь на выделившуюся из среды самих рабочих группу революционеров-профессионалов, С. В. Модестов* работал весьма успешно.

На каждой фабрике имелось уже достаточное количество членов партии, из которых создавались фабрично-заводские ячейки с ответственными фабрично-заводскими организаторами. Это партийное ядро охватывало своим влиянием беспартийную рабочую массу. К 1 мая 1904 г. почти на всех фабриках имелись партийные ячейки.

Группы фабрично-заводских ячеек объединялись по своему местоположению в районы; таких районов определялось три, четвёртым был Кохомский район. В каждом районе выдвигался районный организатор и его помощник.

Четыре районных организатора и товарищ, выделенный как секретарскую работу, составляли местный руководящий орган – центральную Иваново-Вознесенскую группу.

Осенью 1904 г. организация вела работу среди женщин-работниц, выделив их в особый, как тогда называли, «женский район».

Партийным организатором среди женщин была К. И. Кирякина (Колотилова) по кличке «Мишка». Под её руководством был создан кружок женщин-работниц, занятия которого проходили обычно в лесу около деревни Афанасово. Участницами этого кружка были: М. П. Сарментова («Марта»), М. Ф. Наговицина-Икрянистова («Труба»), М. Н. Разумова, Е. С. Балашова, Д. И. Черникова, сёстры Лепиловы и др.⁴

Иваново-Вознесенская организация была большевистской, хотя в ней состояли отдельные лица, защищавшие меньшевистские взгляды, однако перед большевиками эти меньшевики-одиночки стушёвывались и влияния на работу не имели.

* Модестов С. В. – активный работник большевистского подполья. Находился шесть лет на каторге. Умер в 1917 г. от туберкулёза.

Деятельность партии, направленная на вовлечение в движение рабочих масс, проявлялась в самых разнообразных формах: широкая агитация среди рабочих, руководство стачками, издание и распространение прокламаций и т. д. При подготовке к празднованию 1 Мая в 1904 г. передовые рабочие решили организовать однодневную забастовку с выражением протеста против существующего строя. Но местная жандармерия по доносу провокатора в ночь на 1 мая арестовала часть руководителей, да и рабочие массы в целом не были ещё подготовлены к открытым политическим выступлениям, и намеченная забастовка-демонстрация была сорвана. Празднование 1 Мая состоялось как массовка в лесу.

Незадолго до 1 мая (20 апреля) был арестован С. В. Модестов. 10 мая московская охранка писала помощнику начальника иваново-вознесенского жандармского управления: «По имеющимся у меня совершенно негласным сведениям бывший студент Ярославского лицея Сергей Васильевич Модестов, являясь представителем «Северного комитета» Российской социал-демократической партии, был командирован последним в г. Иваново-Вознесенск со специальным назначением организовать местную группу из рабочих, сочувствующих революционному движению; через посредство Модестова, называющегося для большей конспиративности «Григорием», установилась связь группы с комитетом, получалась нелегальная литература, и Модестовым была устроена переносная печатня, выпускающая прокламации относительно стачки, бывшей на калашниковском заводе, а также воззвания «Ко всем иваново-вознесенским рабочим» (всего было выпущено около 2000 экземпляров). Печатня, как известно, помещалась в доме А. Ф. Калашникова... Вопрос о забастовке и демонстрации обсуждался на сходке организованных рабочих, происходившей 18 апреля в лесу, близ города, причём Модестов высказывался за необходимость открытого выражения протеста правительству».⁵

Летом 1904 г. в праздничные дни устраивались массовки, на которых произносились речи о политической борьбе и свержении самодержавия, о русско-японской войне, о классовой борьбе и значении социал-демократической организации. Программа социал-демократической партии разъяснялась на каждом собрании. Члены организации приводили на массовки сочувствующих; число посещавших массовки доходило до 400 человек. Одна из массовок, проходившая на «Сластике» 13 июня, окончилась кровавой расправой полиции с участниками и арестом некоторых из них.

Зверски были избиты арестованные полицией тт. Р. М. Семенчиков («Громобой»), В. И. Голубев («Красный»), В. С. Иванов («Инквизитор»), А. Е. Окутин, Е. С. Балашова, К. И. Кирякина («Мишка») и О. А. Гаврилова-Белова. Арестованные и по дороге в тюрьму подвергались издевательствам и дальнейшим побоям.

После кровавой расправы на «Сластике» партийная организация занялась вопросом о вооружении части товарищей, выделив их в боевую группу

для охраны массовок и вооружённого сопротивления при налётах казаков. Организация этого дела была поручена И. Н. Уткину («Станко»), который в 1905 г. стал начальником боевой дружины.

Необходимость иметь опытных пропагандистов вызвала организацию кружка высшего типа из наиболее развитых местных рабочих, членов организации.

На протяжении всего 1904 г. партийная организация вела широкую массовую агитацию. «Северный комитет», имевший свою типографию, в большом количестве доставлял прокламации в Иваново-Вознесенск. Распространялись прокламации очень быстро. Они забрасывались во дворы домов, где жили рабочие, наклеивались на колодцах и заборах, подбрасывались под крыльцо и просто разбрасывались по улицам. Утром на фабриках, пораньше, до прихода рабочих, прокламации раскладывались на станки, верстаки и расклеивались в «рабочих клубах» того времени – уборных-курилках. Как ни подбирала полиция прокламации, они всё-таки попадали рабочим.

Отклики на «Кровавое воскресенье» и подготовка всеобщей стачки. Расстрел рабочих в Петербурге 9 января 1905 г. был в Иваново-Вознесенске, как и во всей тогдашней России, отправным моментом в развитии революционных событий 1905 г.

Иваново-Вознесенская организация большевиков скоро узнала о петербургских событиях 9 января и попыталась провести краткосрочную политическую стачку. «Северный комитет» командировал в Иваново-Вознесенск т. А. Зеликсона. 16 января городской партийный центр собрал организаторов заводских ячеек. Собрание, прослушав доклад о событиях 9 января, решило начать забастовку 17 января утром на передовых по составу рабочих завода Анонимного общества и Калашникова. Предполагалось в последующем эту стачку превратить во всеобщую стачку протеста против расстрела рабочих в Петербурге.⁶

Шестнадцать требований, предъявленных рабочими к фабрикантам, излагались в специально выпущенной прокламации Иваново-Вознесенской группы «Северного комитета РСДРП» «К литейщикам завода Калашникова и Анонимного общества». В прокламации говорилось: ***«Товарищи! Петербургские рабочие проливают свою кровь за освобождение рабочего класса. Неужели вы, товарищи, будете молчать в такое время? Нет, вы пойдёте за нами, социал-демократами».*** Далее излагались требования, главными из которых были: восьмичасовой рабочий день, повышение заработной платы на 60%, отмена штрафов, комиссия из выборных от рабочих и хозяев для урегулирования взаимных отношений.⁷

Утром 17 января забастовавшие рабочие завода Анонимного общества под руководством большевиков Р. М. Семенчикова («Громобой»), Н. Н. Колотилова («Лапа») и И. Я. Мякишева вышли за ворота, но прибывшие казаки зверски избили и рассеяли их; арестованных руководителей после избиения отправили в тюрьму.

С обеда забастовали рабочие заводов Калашникова, Смолякова и Мурашкина. Часть бастующих направилась на ситценабивную фабрику Полушина, чтобы снять там рабочих с работы. Несмотря на сопротивление полиции и сторожей, бастующие, придя к полушинской фабрике, ворвались во двор и корпуса и остановили работы. Рабочие начали выходить во двор фабрики. В это время на фабрику явилась сотня казаков во главе с полицеймейстером Кожеловским. Один из дружинников организации – «Станко» выстрелил в Кожеловского, но неудачно. Перепуганный Кожеловский дал распоряжение избивать бастующих нагайками, – началась жестокая расправа. Арестовали человек 35–37, некоторые рабочие были настолько избиты, что не могли идти, но их продолжали бить по дороге в тюрьму и в самой тюрьме.

Так кровавыми событиями начался в Иваново-Вознесенске 1905-й год.

Об этих событиях в специально выпущенной прокламации Иваново-Вознесенской большевистской организации – «Ко всем рабочим и работницам г. Иваново-Вознесенска» говорилось: **«Невинная кровь десятков раненых, а может быть уже мёртвых, взывает к вам, братья!.. Мы видим, товарищи, что нынешнее правительство для нас злейший враг из всех наших врагов. Будь же оно проклято! Долой самодержавие! Мы требуем особо выборных от народа решать свою судьбу! Мы требуем, чтобы сам народ через своих выборных управлял страной»**.⁸

«Мысль о сорванной жандармерией и казаками всеобщей забастовке иваново-вознесенских рабочих, – писал в своих воспоминаниях ивановский рабочий С. И. Балашов, – не заглохла. Она не могла заглохнуть потому, что за неё заплатили ценою крови члены Иваново-Вознесенской организации, и она тлела в их сердцах, пока не превратилась в пламя пожара, охватившего не только Иваново-Вознесенск, но и окружающие его промышленные центры».⁹

Началась массовая агитация группы. Печаталось большое количество прокламаций, которые распространялись по улицам рабочих кварталов. Массовки в лесу стали обычным явлением.

О подъёме революционного настроения рабочих, особенно молодёжи, в большевистской газете «Вперёд» сообщалось: «Война и последние события сильно революционизировали рабочих. Молодёжь, находящаяся в сфере нашего влияния, ищет выхода своему настроению и стихийно выносит свой протест наружу. Например, в конце января самостоятельно, без ведома группы «Северного комитета», организуется молодёжью небольшая демонстрация. На чтении, устроенном обществом трезвости, к кафедре подходит группа рабочих и просит лектора сойти с неё. На кафедру входит рабочий с прокламацией в руках. Одновременно часть рабочих становится у двери, чтобы никто не мог выйти, другая часть портит телефон. Чтение заканчивается благополучно, толпа горячо благодарит».¹⁰

Полиция и жандармерия, видя нарастание рабочего движения, стали арестовывать членов партии, бросать их в тюрьмы, но приостановить движе-

ние им не удалось. Настроение рабочих настолько поднялось, что члены организации с трудом сдерживали рабочих от неорганизованных выступлений. Партийная организация решила отложить стачку до весны, так как в зимнее время её было проводить трудно; на собраниях организации намечался план стачки, разрабатывались общие требования. В некоторых случаях сдержать бушевавшее недовольство рабочих не удалось. 25 февраля бастовали рабочие ситцепечатной фабрики Фокина, 28 апреля – рабочие фабрики Бакулина, 29 апреля остановились фабрики Полушина и Ямановского.

О стачке на фабрике Фокина в корреспонденции газеты «Вперёд» (март 1905 г.) говорилось: «Сознание, что старый порядок доживает последние дни, сделало рабочих, как никогда, готовыми к бою... Во время переговоров один из рабочих обратился к товарищам с такой речью: **«Товарищи! Мы предъявили хозяину требование, которое во всех отношениях справедливо. Но он не только не удовлетворил его, а даже и выслушать хорошенько не хочет. Этим он доказывает, что не обращает на нас внимания, не считает нас за людей... Помощи нам ждать неоткуда, никто за нас не заступится. Приходится самим рабочим стоять за себя, и стоять как можно дружнее и единомышленнее. В этом вся наша сила, и я надеюсь, что, действуя сообща, мы победим...»** Рабочие решили забастовать и стали расходиться. Организованно пошли и запели: «Нас давит, товарищи, власть капитала» и «Варшавянку».¹¹

Готовились к борьбе и фабриканты. Примыкая к «Московскому обществу для содействия русской промышленности и торговле», иваново-вознесенские фабриканты ещё 10 марта 1905 г. приняли директиву общества «не делать никаких уступок рабочим, если бы даже от них явились и угрозы». Эта директива дополнена была в апреле: на собрании московских фабрикантов иваново-вознесенские фабриканты подписались под «особой запиской», по которой они в случае забастовки были «нравственно обязаны не платить за прогульное время».¹² Видя готовое вспыхнуть общее рабочее выступление, фабриканты пытались сорвать его: они сократили в конце апреля с «пасхи» (обычный срок найма на летний сезон) на полчаса рабочий день для дневных рабочих, введя таким образом 11-часовой рабочий день.

Партийная организация немедленно реагировала на эту, якобы добровольную, уступку фабрикантов, выпустив в апреле прокламацию «Ко всем рабочим г. Иваново-Вознесенска»: **«Товарищи! Наши хозяева сбавляют нам полчаса, вводят 11-часовой рабочий день. Хозяева входят с нами в панибратские сношения, приходят к нам в курилку (у А. И. Гарелина), дают папирсы, объявляют о своей «милости» рабочим. Что это такое? Впрямь ли такая забота напала у хозяев о нас? Что за причина благодеяний? Знайте, товарищи, – это волки приходят к нам в овечьей шкуре, чтобы легче обмануть нас, легче захватить добычу... они хотят брать у рабочих подписку, что они будут работать 11 часов и будут довольны... Товарищи! Отказывайтесь**

все до одного давать подписку о согласии работать 11 часов, поддерживайте требования всей России. Объединяйтесь для борьбы с капиталистами и самодержавием в могучую рабочую партию вокруг социал-демократии...»¹³

III съезд РСДРП. Иваново-Вознесенская партийная организация накануне всеобщей стачки. 12–27 апреля 1905 г. в Лондоне состоялся III съезд Российской социал-демократической рабочей партии – первый большевистский съезд. В числе организаций, представленных на нём, был и «Северный комитет», в состав которого входила Иваново-Вознесенская организация. По предложению В. И. Ленина III съезд принял политические лозунги, которые должны были подвести рабочих и крестьян к вооружённому восстанию и сделать его всенародным. Такими **лозунгами были:** массовые политические стачки, немедленное установление революционным путём восьмичасового рабочего дня, организация революционных крестьянских комитетов, вооружение рабочих. Эти большевистские лозунги сыграли огромную роль в первой русской революции. Иваново-Вознесенская партийная организация положила их в основу своей работы по подготовке всеобщей стачки.

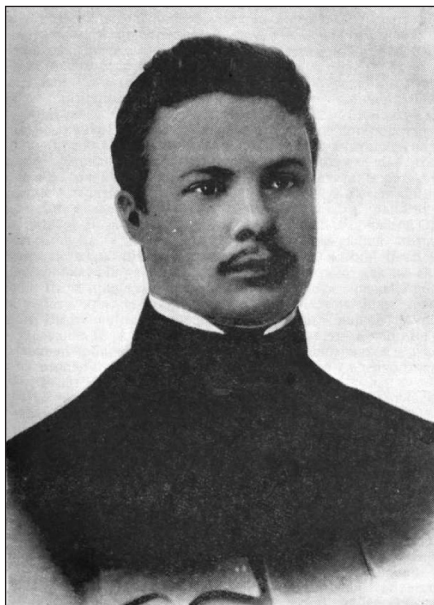
К началу мая подготовка к всеобщей стачке в Иваново-Вознесенске закончилась. 1 мая по инициативе большевистской организации в лесу по дороге в д. Горино (за нынешним зданием Меланжевого комбината) состоялась массовка, в которой участвовало до 200 организованных рабочих и работниц со всех фабрик и заводов Иваново-Вознесенска. Корреспонденция в газете «Пролетарий» (№ 2 за 1905 г.) определяла настроение рабочих как «празднично-боевое», что «было создано атмосферой нарастающей революционной борьбы».

В резолюции, принятой на массовке, воспроизводились положения, выраженные В. И. Лениным в прокламации «Первое мая», написанной в Женеве перед III съездом РСДРП и вышедшей за подписью «Бюро комитетов большинства». В резолюции говорилось: ***«Празднуя 1 Мая, мы, иваново-вознесенские рабочие, постановили выразить свою солидарность с пролетариями всех стран в борьбе за социальную революцию. Да здравствует социализм, который выведет нас из омута нищеты, унижения и невежества на широкую дорогу к светлой человеческой жизни...»***

Та кровь, которую реками пролило и проливает царское правительство за малейшую попытку со стороны рабочего класса добиться лучшей жизни, ещё и ещё раз убеждает нас, что интересы рабочего класса и самодержавия несовместимы, что политической свободы мы добьёмся только тогда, когда окончательно будет низвергнуто самодержавие и созвано Учредительное собрание на основе прямого, всеобщего, тайного и равного для всех избирательного права... Да здравствует восьмичасовой рабочий день!..»

Да здравствует немедленное вооружение народа для восстания! Да здравствует Российская революция!..»¹⁴

После 1 мая рабочие стали ждать сигнала к всеобщей стачке. В первых числах мая в Иваново-Вознесенск по поручению Московского комитета РСДРП приехал студент Петербургского политехнического института М. В. Фрунзе. В 1904 г. М. В. Фрунзе, вступив в ряды РСДРП, примкнул к большевикам и полностью разделял ленинские лозунги о вооружённом восстании, революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, аграрную программу и неуклонно проводил тактическую линию большевиков. Явившись в Иваново-Вознесенск, М. В. Фрунзе («Трифоныч», «Арсений») установил связь с местной большевистской организацией и возглавил руководство развернувшейся революционной борьбой иваново-вознесенских рабочих.

М. В. Фрунзе в 1905 г.

К лету 1905 г. партийная организация выросла до 400 человек.

Из других групп, объединяемых «Северным комитетом», она выделялась не только численностью, но и своим исключительно пролетарским составом.

М. В. Фрунзе писал: «То видное участие, которое принимали в жизни партии сами рабочие, между прочим чрезвычайно удивляло и поражало меня. Как руководящий коллектив, так и районные организации, кроме одного единственного интеллигента (тов. Терентий-Морковин), состояли к этому времени исключительно из рабочих».¹⁵

Для партийной организации Иваново-Вознесенска характерна была также её идейная однородность.

«В тот период в нашей организации не было ни одного меньшевика», — писал Ф. Н. Самойлов.¹⁶

Секретарём городского комитета партии с июня 1904 г. был Ф. А. Афанасьев («Отец»). Из местных рабочих-большевиков выросли способные и преданные делу революции руководители: С. И. Балашов («Странник»), Р. М. Семенчиков («Громобой»), Е. А. Дунаев («Александр»), Н. А. Жиделёв, Ф. Н. Самойлов, Н. Н. Колотилев («Лапа»), И. Н. Уткин («Станко»), В. Е. Морозов («Ермак»), М. И. Лакин, М. Я. Мулов («Шор»), П. П. Веселов («Сохатый»), В. В. Фролов («Воронов») и др. Активную работу вёл А. С. Бубнов («Химик»).

По свидетельству старого большевика, участника событий 1905 г. в Ива-

ново-Вознесенске Ф. Н. Самойлова, «тов. Фрунзе скоро стал душой парторганизации. Его часто можно было видеть на заседаниях городского партийного центра, на нелегальных партсобраниях в лесу, а с момента стачки, которой он фактически руководил, – на заседаниях Совета и на митингах бастующих рабочих».¹⁷

9 мая в лесу собралась партийная конференция с участием беспартийных рабочих. В конференции приняло участие до 50 человек.¹⁸ Стачку решили начать с 12 (25) мая на прядильно-ткацкой фабрике Бакулина, рабочие которой, как сообщал представитель этой фабрики Дунаев, считались наиболее подготовленными. Конференция утвердила общие требования рабочих. Эти требования были отпечатаны на особых листах с печатью «РСДРП». В выпущенной коротенькой прокламации говорилось: **«Ко всем рабочим и работницам г. Иваново-Вознесенска. Не хватает сил больше терпеть! Оглянитесь на нашу жизнь, до чего довели нас наши хозяева! Нигде не видно просвета в нашей собачьей жизни! Довольно! Час пробил! Не на кого нам надеяться, кроме как на самих себя. Пора приняться добывать себе лучшую жизнь! Бросайте работу, присоединяйтесь к нашим забастовавшим товарищам. Выставляйте 26 требований, изданных нашей группой. Присоединяйте к ним, кроме того, свои местные частные требования. Собирайтесь для обсуждения ваших нужд в городе и за городом. Иваново-Вознесенская группа Северного комитета РСДРП»**.¹⁹

На первом месте в требованиях стояло: **«Восьмичасовой рабочий день... Работа перед праздниками не должна превышать шести часов в день»**. Далее: **«Уничтожение двух сроков найма. Введение постоянных на целый год расценок. Точное обозначение работы, на которую нанимается рабочий»**. **«Минимум заработной платы для обоих полов 20 рублей в месяц... Уничтожение штрафов за прогул»**. **«Полная плата за время болезни. Пенсия потерявшим трудоспособность вследствие болезни, старости...»** **«Отпуск рожениц. Устроить ясли при фабриках для грудных детей и отпускать матерей через каждые три часа на полчаса для кормления детей»**. **«Введение всеобщего обязательного бесплатного образования для мальчиков и девочек»**. **«Безусловно вежливое обращение членов администрации с рабочими. Уничтожение обысков, унижающих достоинство рабочих»**. **«Устройство народного дома. Право читать в свободное время газеты...»** **«Улучшение производственных, гигиенических, санитарных условий и медицинской помощи»**.

В политических требованиях было: **«Право свободно собираться и обсуждать свои нужды и чтобы можно было свободно писать о нуждах рабочих в газетах, т. е. свобода слова и собраний. Свобода союзов и стачек»**.

«...Дважды – голосованием и поднятием рук – единогласно при-

нято: немедленный созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, тайного и равного для всех граждан и гражданок избирательного права».²⁰

Кроме общих требований, позднее – в первые дни забастовки были разработаны по отдельным предприятиям «частные» требования, отражавшие специфические особенности отдельных фабрик.

Начало и первые дни всеобщей стачки; выборы Совета рабочих депутатов. Решение конференции начать забастовку быстро проникло в рабочие массы.

Утром 12 (25) мая остановились фабрики Бакулина, Дербенёва, Бурылина и Маракушева. К вечеру забастовали рабочие всех крупных фабрик. Собрание большевистской организации приняло решение о сборе 13 мая всех рабочих на площади перед городской управой для предъявления требований фабрикантам.

13 мая остановились все предприятия города, на которых работало до 30 тысяч человек. К бастующим присоединились рабочие типографий, ремесленники, прачки, железнодорожники и др. Рабочие собрались на площади перед городской управой. Здесь начался митинг, на котором члены большевистской организации, рабочие и работницы выступали с разъяснением предъявленных требований и беспощадным обвинением существующего строя.

Как оратор, из рабочих особенно выделялся Е. Дунаев («Александр», родился в 1877 г.). Происходил он из крестьян села Лежнева, с восьми лет начал самостоятельную жизнь. В 15-летнем возрасте он самоучкой научился читать, а писать уже в возрасте 21 года. Юношей семнадцати лет поступил он на ткацкую фабрику М. Гарелина в Иваново-Вознесенске. Это было время, когда по многим фабрикам Иваново-Вознесенска прокатилась широкая волна забастовок с избиениями казаками рабочих. В 1898 г. Е. А. Дунаев занимался в нелегальных социал-демократических кружках. В 1899 г. его арестовали, и до 1902 г. он сидел в тюрьмах Иваново-Вознесенска, Шуи, Владимира и в «Крестах». В начале 1902 г. Дунаев вернулся в Иваново-Вознесенск и работал на фабриках Полушина и Бакулина. В начале стачки Е. А. Дунаев первый вывел на площадь рабочих фабрики Бакулина и сразу приобрёл огромную популярность среди бастующих. Выступая часто на со-

Е. А. Дунаев.

браниях, Е. А. Дунаев говорил простым, понятным рабочим языком. К вопросам подходил умело и освещал их толково и понятно. Немалое значение в популярности Дунаева имела и его наружность. Вид у него был самого заурядного рабочего: рябоватый, худощавый, среднего роста, одетый в синюю поношенную блузу или такого же цвета простую рубашку и сильно потёртую фуражку. Внешность Дунаева внушала рабочим особое доверие: они чувствовали, что это свой человек. Проявлявшийся в прежнее время у Е. А. Дунаева «экономизм» быстро испарился. Дунаев стал большевиком и тесно связался с политическим движением рабочего класса.

Кроме Дунаева на митинге выступали и другие рабочие. Горячую речь произнесла ткачиха М. Сарментова. Рабочий грязновской фабрики Михаил Лакин прочитал стихотворение Некрасова «Размышления у парадного подъезда». Толпа приветствовала ораторов одобрительными возгласами.

На собрании у городской управы 13 мая рабочие вручили старшему фабричному инспектору для передачи фабрикантам свои требования, вырабатанные на партийной конференции 9 мая. Всем рабочим было ясно, что эти требования надо крепко, стойко и организованно защищать. Поэтому по инициативе большевистской организации решено было в этот же день вечером собраться на реке Талке, чтобы, как писал один из рабочих в редакцию «Пролетария», «предназначить депутатов для переговоров с хозяевами», добившись их неприкосновенности.

Вечером происходило собрание рабочих на реке Талке. Часть собрания была посвящена Первомайскому празднику. После речей выступавших собрание единодушно приняло требования амнистии, политических свобод и созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Затем рабочие, разбившись группами по фабрикам, около флагов, начали выбирать депутатов. Выбранные в этот день 50 депутатов собрались и обсудили порядок дальнейших действий.

Так было положено начало Совету уполномоченных – одному из первых Советов рабочих депутатов в России.

В город по требованию властей прибыл батальон пехоты (до этого в городе находилась сотня казаков).

14 мая рабочие с утра собрались на площади перед городской управой, в помещении которой, кроме полиции и фабричной инспектуры, находился приехавший из Владимира губернатор. На площади произносились речи, как и накануне. Фабриканты, чтобы расколоть движение рабочих, предложили через фабричного инспектора обсудить их требования по фабрикам. Рабочие отвергли это предложение, настаивая на обсуждении требований с депутатами от всех рабочих в присутствии всех рабочих. Среди бастующих ещё более укрепилась мысль о необходимости иметь единый орган борьбы. Фабричный инспектор обещал через сутки сообщить ответ фабрикантов.

Вечером снова происходило собрание на берегу реки Талки.

15 мая рабочие опять собрались перед городской управой. После речей

единогласно вторично было принято требование о созыве Учредительного собрания.

Фабричный инспектор заявил, что фабриканты отказываются от переговоров в присутствии всей массы рабочих, что переговоры могут вестись только с уполномоченными от рабочих и что неприкосновенность депутатов гарантируется. Это подтвердил и губернатор.

После этого тут же на городской площади и далее на Садовой улице закончились выборы депутатов, начавшиеся 13 мая на реке Талке. Рабочие выбрали 151 депутата. Каждый депутат представлял до 250 рабочих.

В 6 часов вечера в помещении мещанской управы состоялось первое собрание депутатов в полном составе. Собрание депутатов оформилось, явившись фактически Советом рабочих депутатов.

Каково было лицо Совета?

По партийному составу Совет был большевистским. Об этом имеется авторитетное свидетельство иваново-вознесенского делегата на конференции групп «Северного комитета», происходившей в Костроме в конце июля 1905 г. По его словам, две трети депутатов были социал-демократы, которые в Иваново-Вознесенске все принадлежали к большевикам.²¹

По профессии преимущественное место в Совете занимали ткачи – их было 32, значительное место занимали слесари – их было 16 человек. В целом депутаты представляли до 30 профессий хлопчатобумажных фабрик. **Больше половины депутатов имели возраст до 25 лет.** Мужчин депутатов было 128, из них неграмотных двое, женщин 23, из них неграмотных пять. Председателем Совета уполномоченных был А. Е. Ноздрин. В состав Совета вошли большевики-рабочие, бывшие на легальном положении, в том числе Е. Д. Дунаев, Н. А. Жиделёв, В. Е. Морозов, Ф. Н. Самойлов, Н. П. Грачёв (секретарь Совета), М. Сарментова, И. Н. Уткин, К. С. Уткин, М. Н. Лебедева (Разумова), Д. И. Шорохов и др.

Избранный орган назывался «Собранием депутатов», «Депутатским собранием», «Советом уполномоченных». По характеру своей деятельности это был именно Совет рабочих депутатов.

Создаваемые самими рабочими в ходе стачечной борьбы для руководства ею Советы превратились затем в зачаточные органы новой революционной власти.

«Советы рабочих депутатов, – писал В. И. Ленин, – *органы массовой непосредственной борьбы.* Они возникли как органы борьбы *стаечной.* Они стали очень быстро, под давлением необходимости, органами *общереволюционной* борьбы с правительством. Они превратились *неудержимо*, в силу развития событий и перехода от стачки к восстанию, – в органы *восстания*».²²

Возникши как орган руководства всеобщей стачкой, Иваново-Вознесенский Совет скоро стал органом революционной борьбы иваново-вознесенских рабочих против царизма и фабрикантов. **С первых же шагов своей деятель-**

ности Иваново-Вознесенский Совет действовал как орган власти. На первом заседании Совета губернатор через фабричного инспектора просил депутатов дать разрешение работать одной из типографий города, чтобы напечатать его распоряжения. Как говорит один из современников, «хозяевами города были рабочие: власти и фабриканты были бессильны перед мирной, торжественно настроенной рабочей армией, которая поняла свою силу и власть».²³ Носителем революционной власти Совет проявлял себя и далее – в течение всего периода своей деятельности.

16–17 мая многотысячные собрания рабочих на городской площади, начавшиеся 13 мая, продолжались. В «Пролетарии» (1905 г. № 5) об этих собраниях сообщалось: *«Пять дней происходят собрания на площади перед домом буржуазии, охраняемым царскими опричниками. Пять дней раздаются самые обличительные речи. Завеса отдёрнута, на всё открыты глаза. К ораторам – социал-демократам, которым трибуной служат пустые ящики, поставленные друг на друга, тянутся со всех сторон омоченные слезами описания каторжной жизни всех униженных и оскорблённых – прачек, каменщиков, землекопов, белозшеев, рабочих кирпичных заводов, прислуги. Они просят вспомнить о них, прийти к ним на помощь, – одни они бессильны...»*

Направляющая и организующая сила движения находилась в руках большевистской организации и Совета рабочих депутатов.

16 мая депутаты выбрали из своей среды стачечную комиссию, потребовали закрытия винных лавок, организовали сборы в пользу бастующих. Большевистская организация выпустила прокламацию с разъяснением политического смысла стачки; прокламация заканчивалась призывом: «Долой самодержавие!»

17 мая Совет рабочих депутатов рассмотрел ответ фабрикантов на требования рабочих, сводившийся к отказу удовлетворить их. Решено было стоять твёрдо, считая, что борьба только начинается.

В этот же день губернатор запретил собрания рабочих на городской площади. Собрания были перенесены за город на реку Талку, где они стали происходить ежедневно. Большевистская организация и депутатское собрание установили определённый порядок революционной работы на Талке. Здесь собиралась большевистская организация, вырабатывавшая директивы на предстоящий день, происходило собрание депутатов, затем открывалось общее собрание рабочих, на котором разъяснялись вопросы текущей и общеполитической борьбы.

Руководство движением было подлинно большевистским. По словам старого большевика – депутата Совета Ф. Н. Самойлова, «меньшевики-интеллигенты, выступавшие несколько раз на собраниях бастующих рабочих на реке Талке во время всеобщей стачки в 1905 г..., не имели успеха у рабочих»²⁴

На Талке создались совершенно необычайные для царской России ус-

ловия жизни. Захватным путём под руководством большевиков и депутатов иваново-вознесенские рабочие пользовались политической свободой. В одном из позднейших заявлений рабочие прямо говорили: «Три недели мы пользовались свободой собраний, слова, союзов, печати, стачек, неприкосновенностью личности».

20 мая Совет рабочих депутатов провёл меру, подчёркивавшую его значение, как зачатка органа революционной власти: постановлено было ***«устроить милицию из среды себя т. е. охранную стражу из рабочих, которая должна следить за порядком в городе... действиями этой милиции руководят депутаты»***.²⁵ Милиция была введена явочным порядком, несмотря на запрещение губернатора.

Одновременно действовала и боевая дружина большевистской организации, в которую входило до 30 человек.

Революционная демонстрация 23 мая. 22 мая Совет постановил потребовать от фабрикантов и властей окончательного ответа – удовлетворят они требования рабочих или нет. Назначено было всем рабочим собраться на городскую площадь; поддержание порядка возложили на рабочую боевую дружину. К 12 часам дня 23 мая на городскую площадь пришли депутаты и рабочие. Полицеймейстер потребовал, чтобы рабочие разошлись, угрожая, что «иначе станет разгонять силой и пустит в ход нагайки». Рабочие с красным знаменем и пением революционных песен направились на Талку. На Талке открылось собрание, на котором произносились речи революционного характера. Рабочие кричали: «Долой проклятое самодержавие!»

Это была открытая мощная революционная демонстрация.

Иваново-Вознесенская группа «Северного комитета» так оценивала значение событий 23 мая: ***«Иваново-вознесенские рабочие должны гордиться этим днём, в этот день они показали всю свою объединённую силу, в этот день они увидели всё бессилие своего врага, этот же день просветил их насчёт того, чьи интересы защищает правительство. Они увидели, что самодержавное правительство есть не что иное, как бесправие народа и власть денег и кулака. Поэтому рабочие, как один человек, разразились столь долго сдерживаемыми криками: «Долой самодержавие, долой его, смерть ему!». Товарищи! Социал-демократическая рабочая партия разнесёт по всей России, по всем фабрикам и заводам известие об иваново-вознесенских событиях. Она везде будет указывать на них, как на образец сознательной борьбы рабочего класса с обоими его врагами – капиталистами и правительством...»***²⁶

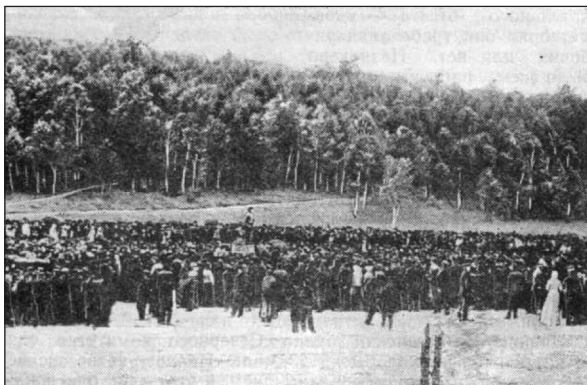
Особенное значение этому дню придавала и полиция. В «Сообщении гу-

Ручная бомба, изготовленная членами боевой дружины в 1905 г.

бернского начальства» говорилось: «После этого случая на Талке сходки превратились в явно революционные, раздавались прокламации и говорились речи, возбуждающие против государственного строя».²⁷

С начала стачки город представлял необычную картину. Фабрики не работали; сто-

Митинг на Талке.

яли безмолвными огромные корпуса. Всё рабочее население – на Талке. По улицам разъезжали казачьи отряды. Приехавшие в город губернатор, прокурор и другие представители власти проявляли полную растерянность перед стойкостью и упорством рабочих. Фабриканты разъезжались из города. Городская дума не собиралась ни разу в течение двух месяцев. Директоры и управляющие предприятиями почти не показывались на фабриках. В этих условиях Совет уполномоченных становился зародышем новой революционной власти.

С первого же дня существования Совета не только фабриканты, но и местные органы вынуждены были считаться с ним. Фабричная администрация просила разрешения выполнить неотложные работы на фабрике. Представители власти просили разрешения печатать необходимые объявления в типографии.

По требованию Совета, несмотря на существование государственной винной монополии, были закрыты все казённые винные лавки, а также пивные и трактиры.

Совет руководил оказанием материальной помощи бастующим. Он обязал лавочников не прекращать торговлю и не повышать цены на продукты, а фабричные лавки – отпускать продукты рабочим в кредит. Помощь иваново-вознесенцам поступала из разных городов страны. Всего было получено и распределено около 15 тысяч рублей. Часть средств передавалась в рабочий кооператив, откуда бастующие получали продукты.

Со всех сторон в Совет обращались за помощью ремесленники, прачки, домашняя прислуга, крестьяне. Почти ежедневно поступали письма и запросы от рабочих Кохмы, Шуй, Тейкова, Лежнева, Родников.

Шуйские крестьяне присылали ходоков с жалобой на незаконные действия лесничего. Другие просили дать указания «как отобрать землю и земских начальников уничтожить». Муромские крестьяне посылали приветствия и писали, что они убили земского начальника и на общей сходке решили

землю взять в свои руки. Значение Совета прежде всего осознали сами рабочие. Они говорили, что теперь у них «свои мужики есть не хуже учёных» и фабричные инспекторы не нужны. И в этих словах чувствовалась вера, что уже наступает время рабочей власти, а отчасти она и сейчас уже есть.

Всей деятельностью Совета руководили большевики. Благодаря тщательной конспирации, все попытки жандармов выявить руководителей «агитаторов» – оставались безуспешными.

«Арестовать главарей невозможно, ввиду правильной организации охраны стачки»²⁸, – доносил губернатор в департамент полиции.

Иваново-Вознесенская группа «Северного комитета» с 23 мая начала выпускать **«Бюллетень о ходе стачки»**. В первом бюллетене от 23 мая говорилось: «Для того, чтобы осведомить всех товарищей о ходе стачки, Иваново-Вознесенская социал-демократическая группа решила издавать ежедневные бюллетени. Бюллетени начали печататься со вчерашнего дня».

Известны четыре бюллетеня, вышедшие 23, 24, 25 и 27 мая. Бюллетени не имели внешнего оформления периодического издания, а носили характер бюллетеней-прокламаций большевистской организации.

Кровавая расправа 3 июня. После революционной демонстрации 23 мая фабриканты и полиция повели открытое наступление на рабочих. 24 мая фабриканты объявили расчёт рабочим, стали закрывать общежития («спальни») и артельные кухни. Губернатор запретил собрания депутатов в мещанской управе. В город стягивались военные силы. Предвидя готовящуюся расправу, Иваново-Вознесенская группа «Северного комитета» выпустила прокламацию **«К солдатам»**.

Совет в период 16–22 мая оформил политические требования рабочих, выделив их из общих требований, и 28 мая направил заявление министру внутренних дел. В заявлении говорилось: ***«Восьмичасовой рабочий день работы для нас необходим... Мы требуем, чтобы государство установило законодательным порядком пенсии рабочим, потерявшим трудоспособность... Только народные представители, созванные на основании всеобщего, прямого и тайного голосования, сумеют удовлетворить наши нужды... Мы требуем свободы печати... Считая свободу собраний первым условием для успешного отстаивания своих интересов, мы заявляем, что этой свободой мы будем пользоваться и впредь»***.²⁹ Под заявлением подписался 151 депутат.

Готовя расправу, вице-губернатор 2 июня запретил собрания рабочих на р. Талке и в других окрестностях города. Запрещение мотивировалось тем, что «собирающиеся на реке Талке, не ограничиваясь обсуждением своих чисто фабричных дел, занимались вопросами государственного значения, причём отдельные лица дозволяют себе «возмутительные речи» против правительства». «С завтрашнего дня, – доносил вице-губернатор во Владимир, – буду разгонять всех собирающихся за городом и буду производить аресты политических организаторов».

На следующий день – 3 июня произошла жестокая расправа с рабочими.

3 июня, несмотря на запрещение, рабочие снова собрались на Талке. Вице-губернатором Сазоновым туда отправлен был полицеймейстер Кожеловский с казаками. Вице-губернатор заявил, что «теперь придётся действовать силой». В городе в это время находилось 700 человек пехоты и 460 кавалерии. О дальнейших событиях 3 июня рассказывает выпущенная Иваново-Вознесенской партийной организацией листовка: ***«Мы спокойно сели у леса... Появились астраханские казаки во главе с полицеймейстером Кожеловским, и прежде чем мы успели опомниться, не то, что разойтись, по крику Кожеловского казаки бросились на сидящую толпу с гиком и свистом. Нельзя описать той ужасной, невероятной картины, которая произошла. Лес оглашался стонами, рыданиями, криками, злобой и проклятиями, улюлюканиями пьяных казаков на пьяных лошадях. Голос неистововавшего полицеймейстера выделялся: «Бей их, сукиных детей, руби, режь. Дунаева мне, Дунаева» и т. д. Он злобно хлопал в ладоши, сатанински хохотал. Зверски, бесчеловечно избивались мы тяжёлыми со свинцом нагайками. Зверски расстреливались поодиночке. Казаки выезжали из леса и снимали, как куропаток, людей с насыпи. Сил не хватает описать всего. Тут же сотнями захватывали в плен и снова избивали, сильно избитых оставляли на месте... Судорожно сжимались кулаки, со всех сторон неслись проклятия убийцам. Сдержатъ прорвавшееся чувство злобы и мести не было никакой возможности. Толпа рвала, ломала, жгла на своём пути. Так продолжалось с 3 до 11 июня, когда вновь разрешили собрания. За всё это время город был в осадном положении: казаки и драгуны хватали встречных и поперечных, обыскивали, избивали ни за что, ни про что... Насильники не останавливались перед тем, чтобы врываться в наши жилища и там надругаться над нами... Никто не был уверен за свою жизнь и безопасность...»³⁰***

Так стачка переросла в кровавую классовую войну.

Власти пытались арестовать депутатов Совета. 3 июня был арестован 81 рабочий.

Охваченных негодованием рабочих невозможно было сдержать: в городе были порваны телефонные и телеграфные провода, начались поджоги дач фабрикантов, горел лесной склад, происходили стычки с казаками.

В те дни царское правительство было напугано развёртывающимся рабочим движением. Кроме событий в Иваново-Вознесенске, 9 и 11 июня шли уличные бои рабочих Лодзи с войсками. Эти бои В. И. Ленин считал первым вооружённым выступлением рабочих в России.

Создавшаяся в Иваново-Вознесенске обстановка вынуждала власть пойти на уступки: 11–12 июня полиция вновь разрешила собрания рабочих на Талке. Фабриканты тоже пошли на некоторые уступки: 13 июня они объявили о согласии на увеличение заработка от 7 до 10%, но в то же время, терро-

ризированные революционностью рабочих, стали покидать город, спасаясь в своих московских конторах, продолжая оттуда организованную борьбу против рабочих.

На первом, после снятия запрещения, собрании на Талке рабочие отвергли прибавки фабрикантов, потребовали освобождения арестованных товарищей и народного суда над виновниками расстрела 3 июня. Под требованием народного суда подписалось до 14 тысяч рабочих. Однако положение их становилось чрезвычайно тяжёлым. Буржуазия определённо хотела взять рабочих измором.

22 июня рабочие потребовали от фабрикантов платы за время забастовки, но получили отказ.

23 июня собравшиеся на Талке рабочие направились на городскую площадь и потребовали: **«Хлеба, денег и работы»**. Обрато на Талку рабочие шли с пением революционных песен, выкинув два красных флага с надписями: «Долой самодержавие», «Долой войну» и чёрный флаг с надписью «3 июня». Рабочие кричали: «Долой войну, долой самодержавие, царя и убийцу».

24 июня собранию рабочих на Талке объявили об отказе фабрикантов приехать из Москвы в Иваново-Вознесенск для переговоров с ними. Депутаты сложили с себя ответственность за последствия отказа. Рабочие, измученные невыносимым материальным положением, дали спровоцировать себя на разгром продовольственных магазинов. Опять начались поджоги фабрикантских дач, продолжавшиеся 25–27 июня.

Окончание стачки. В ходе забастовки происходил перелом. Голод вынуждал рабочих на отступление.

27 июня объединённое собрание депутатов и всех рабочих приняло следующее постановление: **«Общее собрание бастующих рабочих, собравшись на реке Талке, постановило заявить гг. фабрикантам через старшего фабричного инспектора Свирского: ввиду действий администрации, явно направленных всецело на защиту фабрикантов и против рабочих..., ввиду того, что в город прибыло большое количество войск, ввиду того, что 47 дней забастовки истощили наши силы... мы заявляем, что с 1 июля мы решили стать на работу с тем, чтобы, подкрепив свои силы, вновь начать борьбу за свои права и те требования, которые нами предъявлены фабрикантам в начале забастовки 12 мая»**.³¹ **Приняв решение о начале работ, рабочие постановили «самим установить рабочий день»**.

2 июля рабочие вышли на работу, но предъявили различные требования и, проводя решение о сокращении рабочего дня, на ситцевых фабриках работали до двух часов дня, на ткацких до шести часов вечера. Фабриканты сделали распоряжение закрыть фабрики. 4 июля рабочие не были допущены к работе; фабриканты объявили, что если рабочие до 11 июля не приступят к работе на прежних условиях, то фабрики будут закрыты до сентября.

Крайнее истощение вынуждало рабочих кончать стачку. 17 июля депутатское собрание отправило старшему фабричному инспектору заявление рабочих об их решении «приступить к работам на всех фабриках единовременно 18 и 19 на тех условиях договора о найме, которые обозначены в расчётных книжках, действующих с пасхи 1905 г.». В заявлении указаны следующие «добавления, уступки и льготы», полученные от фабрикантов: «ни депутаты и вообще никто за забастовку уволен не будет; расценки остаются без изменения круглый год: а) работающим сдельно – увеличение платы на 10%; б) получающим подённо или помесечно – свыше 25 руб. в месяц – на 7%; в) получающим от 12 до 25 руб. включительно – на 1 руб. 50 коп. в месяц; г) получающим до 12 руб. в месяц – на 1 руб. 25 коп. в месяц... Женщины по случаю родов освобождаются на один месяц с выдачей из конторы трёх рублей сверх выдачи из штрафного капитала».

23 июля на фабриках работало 19 678 человек из общего количества бастовавших ранее рабочих до 30 000 человек. Этот день явился концом стачки, продолжавшейся 72 дня.

Иваново-Вознесенский комитет РСДРП. Во время стачки произошло изменение в положении Иваново-Вознесенской партийной организации. В конце июля состоялась конференция групп «Северного комитета», на которой присутствовал и представитель Центрального Комитета. Конференция решила, «что в интересах дела необходимо вместо одного руководящего центра («Северного комитета») установить три (в Ярославле, Иваново-Вознесенске и Костроме). Представитель ЦК на основании своих полномочий утвердил Иваново-Вознесенскую группу с 1 июля как Комитет.

Отчёт Иваново-Вознесенской группы на конференции её состояние на 1 июля характеризовал следующим образом: «Центральная группа состоит из 4-х местных рабочих (за отъездом провалившихся во время стачки). Районных комитетов 6 (из них один женский и один в Кохме), от 5 до 6 рабочих в каждом. Фабричных комитетов (человека по 4) около 15–20. Пропагандистов и агитаторов нет. Организованных рабочих 600 человек. Бюджет 80–100 р. исключительно из 2% отчислений рабочих. Имеется боевая группа...». «Делегат сделал подробный отчёт о ходе иваново-вознесенской стачки, которой руководили с.-д. (через депутатов, из которых $\frac{2}{3}$ были с.-д.), и им удалось придать ей ярко политический характер».³²

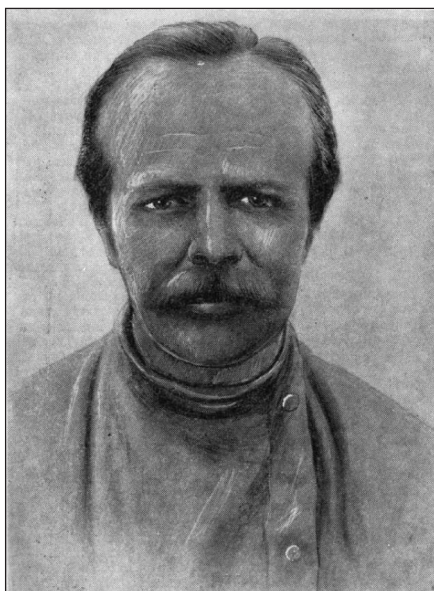
В состав Иваново-Вознесенского комитета вошли: Ф. А. Афанасьев («Отец»), М. В. Фрунзе, С. И. Балашов («Странник»), А. С. Бубнов («Химик»), Н. О. Дианов, Е. А. Дунаев, Н. Н. Колотилов («Лапа»), А. Д. Кумошенский («Одиссей»), М. П. Сарментова («Марта»), И. Н. Уткин («Станко») и другие.³³

Значение стачки. Практические результаты стачки, как мы видели, были незначительны. Исключительное значение стачки – в её политических уроках.

После стачки рабочих нельзя было узнать. Исчезли прежние забитость, приниженность. Рабочие поняли свою силу, увидели, кто их враги и кто их

друзья. Изменились до неузнаваемости и отношения с администрацией. «Фабрика-то Куваева, да порядки-то на ней Дунаева», – говорили сами рабочие.

Иваново-Вознесенский комитет РСДРП, как он стал называться с июля 1905 г., в прокламации «**Уроки стачки**», выпущенной при окончании стачки, писал: **«Товарищи! Пусть малого мы добились..., но зато пусть всякий себя спросит, что было до забастовки и что теперь. Не раскрыла ли глаза забастовка?.. Разве не увидели мы ясно, кто наши враги?.. Разве не увидели мы, для чего нужны царю войска и полиция и чьи интересы они защищают?..**

С. И. Балашов.

...Товарищи, до тех пор мы не сможем улучшить наше положение, пока не будет политической свободы, пока политическая власть не перейдет ко всему народу. Поэтому забастовка научила нас требовать: «Долой самодержавие!» и «Да здравствует демократическая республика!». Забастовка показала нам также, что добиваться политической свободы нужно с оружием в руках. Научила она нас, что только тогда, когда мы будем организованы и вооружены, мы силой сможем добиться наших прав. Поэтому мы и кричали: «Да здравствует вооруженное восстание!..».

Прокламация призывала бороться до тех пор, **«пока не добьемся такого порядка и строя, когда не будет ни богатых, ни бедных, когда фабрики, заводы и земли не будут принадлежать кучке паразитов-богачей... Такой порядок, такой строй называется социалистическим.**

Товарищи! Примкнем же ко всему русскому рабочему движению под знаменем РСДРП, которое поведет нас на твердыни царизма, на последний штурм. Долой самодержавие, да здравствует вооруженное восстание!.. Да здравствует социализм!».³⁴

В. И. Ленин в статье «Кровавые дни в Москве» писал, что «Иваново-вознесенская стачка показала неожиданно высокую политическую зрелость рабочих. Брожение во всем центральном промышленном районе шло уже непрерывно усиливаясь и расширяясь после этой стачки. Теперь это брожение стало выливаться наружу, стало превращаться в восстание»³⁵.

Значение стачки вышло далеко за пределы Иваново-Вознесенска. Стачка была первым приступом к боям, которые в скором времени охватили пожа-

ром всю Россию. В этом героическом приступе к борьбе возник Совет рабочих депутатов, прообраз Советов – органов пролетарской диктатуры.

Иваново-вознесенская стачка оказала влияние и на рост революционного движения далеко за пределами города, прежде всего, в окружающем его текстильном районе. Здесь также происходили массовые политические забастовки. По образцу Иваново-Вознесенского Совета возникли Советы рабочих депутатов в Костроме, Шуе, Родниках.

Большевистские партийные группы были организованы летом 1905 года во многих рабочих посёлках, а также среди крестьянской молодёжи в Палехе, Новых Горках, Юже, Майдакове, Парском, Васильевском и др.

Иваново-вознесенские события стали толчком к стачкам на фабриках и заводах Московской области: в Орехово-Зуеве, Богородском, Мытищах, Коломне и др. На Московской городской конференции большевиков было решено поддержать иваново-вознесенцев всеобщей стачкой в Москве (организовать её не удалось). В прокламации Московского комитета партии говорилось, что борьба иваново-вознесенских рабочих – общее дело. Москвичи оказывали материальную помощь бастующим.

По словам М. В. Фрунзе, организационный опыт иваново-вознесенцев был использован позднее – при создании Петербургского, Московского и других Советов.

Стачка вызвала общий революционный подъём во всём Иваново-Вознесенском районе. В мае на территории бывшего Шуйского уезда, Владимирской губернии, и бывшего Кинешемского, отчасти Юрьевоцкого и Нерехтского уездов, Костромской губернии, произошло 73 стачки, в которых, по данным фабричных инспекторов, участвовало 66 591 человек. Фабричный инспектор Костромской губернии прямо указывал на влияние Иваново-Вознесенска при возникновении этих стачек. В руководстве стачками Шуи и Тейкова принимали непосредственное участие иваново-вознесенские большевики.

Продолжение борьбы. По окончании майско–июльской стачки в Иваново-Вознесенске, как её отзвук, до конца года происходили многочисленные вспышки стачечного движения. За август–декабрь произошло 67 стачек, не считая многочисленных обструкций во время работы. В этих стачках участвовало до 50 тысяч рабочих; в 38 случаях стачки носили политический характер.

Представители власти и буржуазии вели в это время скрытую борьбу против рабочих, в частности, шла травля рабочих депутатов. «А вот хорошо бы, – писал один из фабрикантов, – если бы рабочие сами взяли за ум да вздули бы хорошенько подстрекателей, тогда было бы всё иначе».³⁶

Составлены были «чёрные списки» рабочих. Фабрикант Дербенёв 30 июня из Москвы писал: «С. Н. Полушин собирает со всех фабрик списки подозрительных, нежелательных на фабрике рабочих; после этого список будет отпечатан и роздан фабрикантам для руководства при приёме на фабри-

ку рабочих; нам надо сделать списки рабочих, нежелательных на наших фабриках, и прислать их сюда; только бы надо это сделать втайне, чтобы как-нибудь не дошло до сведения рабочих».³⁷

Полиция и фабриканты приступили к организации чёрной сотни. Иваново-Вознесенский комитет РСДРП в августе 1905 г. выпустил прокламацию «**О чёрной сотне**», в которой разъяснял политический смысл этой организации и замыслы фабрикантов.

*«Всюду, где происходит рабочее движение, – говорилось в прокламации, – для подавления его царское правительство организует людей, готовых продать себя на всякое грязное дело; это-то и есть чёрная сотня... Нам не страшна борьба против наших хозяев, которые нас грабят и нашим потом и кровью богатеют и жиреют. Эти наши враги, почувствовав своё бессилие, выставляют против нас ещё и другую силу – «чёрную сотню»... Будем же сильнее требовать: «Долой проклятое самодержавие, которое одно виновато во всех наших бедах»».*³⁸

Несмотря на организованную фабрикантами травлю, члены Совета рабочих депутатов, хотя Совет и прекратил своё существование после стачки, продолжали играть на предприятиях фактически роль представителей рабочих. Рабочие в свою очередь выступали на защиту депутатов, требуя, в случаях увольнения, их возвращения: 25 июля требовали возвращения уволенных депутатов рабочие фабрики Дербенёва, 9 августа – фабрики Н. Гандурина, 11 августа – фабрики Полушина, 2 сентября – фабрики И. Гарелина, 18 ноября – фабрики Н. Гарелина.

После стачки усиленную деятельность продолжал Иваново-Вознесенский комитет РСДРП, организуя массовки и митинги-летучки, распространяя нелегальную литературу, выпуская прокламации.

В сентябре комитет выпустил прокламацию под названием «**Мир заключён**», написанную М. В. Фрунзе. В прокламации разъяснялись политические события – заключение мира с Японией 23 августа 1905 г. и манифест 6 августа 1905 г. об учреждении Государственной (булыгинской) думы и провозглашался бойкот думе согласно решению конференции социал-демократических организаций в Риге 7–9 сентября 1905 г.

Учреждение булыгинской думы разъяснялось, как сделка царя с купцами и дворянами. В конце прокламации говорилось: *«Долой подлую государственную думу! Да здравствует вооружённое народное восстание, которое и свергнет этот гнилой, старый порядок и даст нам возможность создать Временное революционное правительство... Итак, товарищи рабочие и крестьяне, соединяйтесь и сплавивайтесь под красным знаменем рабочей партии, которая одна только и борется за интересы всех обездоленных и угнетённых. Да здравствует демократическая республика, которая даст нам возможность идти к светлему будущему. Да здравствует социализм!»*³⁹

В дни всеобщей политической забастовки и «свобод».

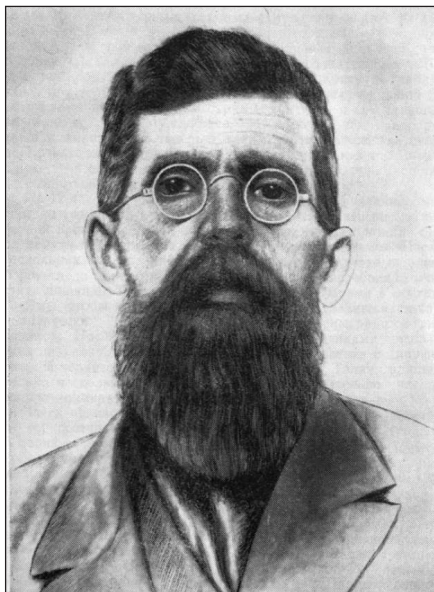
К осени 1905 г. революционное движение охватило всю страну. 9–15 октября развернулась Октябрьская всероссийская политическая забастовка. Рабочий класс возглавил борьбу народных масс против самодержавия. Иваново-Вознесенский комитет РСДРП в октябре выпустил следующую прокламацию: **«Товарищи! Вся Россия бастует. Поднялись железнодорожные служащие и рабочие, и в течение двух–трёх дней стачка охватила все железные дороги. Вслед за ними забастовали рабочие Москвы, Харькова, Екатеринославля и других городов. Прекратилась жизнь страны; прекратился подвоз продуктов, и они со страшной быстротой дорожают. Россия переживает время вооружённого восстания пролетариата против проклятого самодержавия, и наша обязанность поддержать товарищей в борьбе с правительством, потому что в единении – сила...»**⁴⁰

В ответ на призыв комитета 17 октября забастовали почти все фабрики и заводы Иваново-Вознесенска.

17 октября царь, перепуганный всероссийской всеобщей забастовкой, показавшей силу и мощь пролетарского движения, подписал манифест, в котором обещал народу «незыблемые основы гражданской свободы» и созыв законодательной думы.

21 октября в Иваново-Вознесенске на городской площади перед клубом-театром «господ приказчиков» состоялся первый легальный митинг под председательством старейшего члена Иваново-Вознесенской социал-демократической организации Ф. А. Афанасьева («Отец»). Митинг поднял настроение рабочих.

Но полиция уже предпринимала меры для разъединения сил народа, для расправы с революцией, – готовился еврейский погром и избиение революционеров. Организовывалась чёрная сотня, собирались банды погромщиков и убийц. В изданном после погрома воззвании Иваново-Вознесенского комитета РСДРП, которое написал М. В. Фрунзе, дана яркая характеристика погромщиков и их окружения: **«...Вот фабрикант Пётр Зубков, этот главарь черносотенных хулиганов, человек, весь свой век живший**

Ф. А. Афанасьев («Отец»).

вашей кровью и потом. Он доволен. Он задавил на своей фабрике сознательных рабочих, тех рабочих, которые мешали ему обдирать и грабить вас... Вот торговец Куражёв, член управы, вооруживший за свой счёт и на счёт управы отряд грабителей и сам ставший во главе его... Вот Мужжавлев, этот мясник, постоянно резавший животных, а теперь с таким же наслаждением ставший резать людей... А за их спиной полиция и казаки. Впереди же этой своры мерзавцев и негодяев попы, призывавшие их и благословлявшие на убийства и грабежи...»⁴¹

На 12 часов 22 октября комитет РСДРП назначил митинг на городской площади. Рабочие призывались на митинг особой прокламацией. В назначенное время вся площадь была занята народом. Развевался лес красных знамён. После нескольких выступлений ораторов-большевиков, призывавших бороться до конца за республику, полиция потребовала очистить площадь. Тогда решено было пойти к тюрьме в местечко Ямы, чтобы потребовать освобождения находившихся там политических. Дорогу рабочим к тюрьме преградил отряд казаков. После неудачных переговоров с казаками решили идти на Талку. По дороге произошло столкновение с манифестацией черносотенцев и казаками, и на Талку пришли только несколько десятков человек, исключительно членов социал-демократической организации.

Здесь произошёл первый акт зверской расправы полиции и черносотенцев – был убит Ф. А. Афанасьев («Отец»). В своих воспоминаниях Ф. Н. Самойлов так рассказывает об этом: «Мы ещё не успели дать себе ясного отчёта в происшедшем, как со стороны станции, быстро двигаясь прямо на нас, показалась толпа черносотенцев с отрядом казаков в арьергарде. Мы перешли Талку по узенькому мостику и сгруппировались на другом берегу у лесной сторожки. Черносотенцы вместе с казаками остановились на противоположной стороне, против мостика. В это время от нашей группы... отделились Ф. Афанасьев и другой товарищ и перешли мостик... Едва наши товарищи очутились на другом берегу, как были окружены черносотенцами, которые с дикими криками накинулись на них и начали избивать, а казаки, выстроившись в полукруг около этой шайки негодяев, избивавших двух безоружных людей, одобрительно покрикивали. Через несколько минут «Отец» уже лежал на земле, а другой товарищ, каким-то чудом вырвавшись из кольца погромщиков, стремительно перебежал на нашу сторону. Тогда казаки повернули лошадей и быстро двинулись обратно к станции железной дороги. За ними побежала и вся толпа черносотенцев. У спасшегося товарища оказалась сильно разбитой голова; из виска текла кровь, он был весь окровавлен, а «Отца» мы подняли мёртвым».

«Невыносимо мучила, – говорит Ф. Н. Самойлов, – кипевшая в нас злоба. В особенности сильно волновался М. В. Фрунзе («Трифоныч», «Арсений»). С револьвером в руке, он порывался бежать к мостику, чтобы помочь товарищам, но мы все считали это безумием и, преградив ему дорогу, насильно

удержали его от шага, который послужил бы лишь причиной новых тяжёлых потерь».⁴²

М. В. Фрунзе в своих воспоминаниях, говоря о черносотенном погроме в Иваново-Вознесенске, посвящает Ф. Афанасьеву следующие строки: «...С особенной любовью и грустью вспоминается Фёдор Афанасьев, зверски убитый в конце октября на р. Талке... Афанасьев, или «Отец», как его называли товарищи, был чрезвычайно яркой и интересной фигурой в Иваново-Вознесенской организации. Петроградский рабочий, по профессии ткач, принадлежавший ещё к кружку народовольцев-восьмидесятников, Фёдор Афанасьев всю свою жизнь посвятил делу служения рабочему классу. Вероятно, многие из товарищей Шуи, Кохмы и Иванова помнят худую, сгорбленную от старости и долголетних скитаний по тюрьмам России, в очках, фигуру «Отца», тихо плетущуюся с костылём в руках. Не взирая на болезнь, на лишения, так бродил он из города в город, из села в село, поступая для добывания куска хлеба на фабрики и всюду немедленно же принимаясь за создание партийных кружков».⁴³

На следующий день – 23 октября, при участии полицейских властей, под охраной казаков, в городе начался погром, сопровождавшийся избиением революционных рабочих. Погром продолжался и 24 октября, затем несколько стих, но отдельные выступления погромщиков продолжались около недели. В эти дни была разгромлена квартира рабочего-поэта А. Е. Ноздрина, являвшегося в дни всеобщей стачки председателем Совета, К. Кирякиной и других.

30 октября отряд казаков задержал М. В. Фрунзе, А. С. Бубнова и рабочего Волкова, возвращавшихся с очередного сбора боевой большевистской дружины. При обыске у них нашли оружие, что привело стражников в ярость. Они стали избивать арестованных нагайками, потом привязали их верёвками к седлам и заставили бежать за лошадьми. Задержанных во время пути жестоко избивали, а затем, когда их привели в ямскую тюрьму, полицейские снова избили их берёзовыми поленьями и вконец измученных и окровавленных заперли в камеру.

Отзвуком погрома было убийство 16 ноября около вокзала О. М. Генкиной, только что вышедшей из нижегородской тюрьмы и приехавшей для партийной работы в Иваново-Вознесенск.

Об убийстве О. М. Генкиной в её некрологе, напечатанном в «Новой жизни» (1905 г., № 21) говорилось: «Нет больше милой, хорошей Ольги Генкиной, нет больше одного из товарищей по партии. 16 ноября на станции Иваново, Моск.-Яросл. жел. дор. она была растерзана толпой подкупленных полицией черносотенцев... Вот она, молодая, бесстрашная, полная силы и энергии, перевозит из города в город оружие для революционеров. Ничего не подозревая, она оставляет на станции свой чемодан, а сама идёт в город... Чемодан наполнен револьверами, и жандармы в её отсутствие уже узнали это... Вот она, в ужасе и страхе, вместе со своей подругой вбегает в здание вок-

зала, преследуемая обезумевшей от ярости и вина толпой натравленных на неё полицией черносотенцев. Страшный крик: «Смерть, смерть, жидовке!» потрясает воздух. Пьяные зверские лица, сжатые кулаки, дикий рёв – вот, что стоит за её спиной, – а впереди немые, официальные лица жандармов... Когда несчастная девушка в ужасе искала спасения в бегстве, жандармы схватили её и вытолкнули озверевшей толпе. На подъезде станции приезжая девушка... в один миг была растерзана озверевшей толпой». ⁴⁴

Черносотенные зверства продолжались; тяжело ранили и жестоко избили депутата Совета В. Е. Морозова («Ермак»), 2 декабря за рекой Талкой был убит А. И. Кирякин, 3 декабря в Рылихе найден смертельно раненным депутат Совета И. Д. Косяков. Во время погрома ряд партийных работников был вынужден выехать из города.

Иваново-Вознесенский комитет в декабре выпустил прокламацию под названием: «Кто идёт под красным и кто под белым знаменем». В прокламации отмечена расправа чёрной сотни с депутатами: «Лучшие наши друзья, товарищи, защитники интересов ваших – депутаты убиты, избиты, изгнаны из фабрик по требованию чёрной сотни». Прокламация призывала: «Вернём наших депутатов и изгнанных товарищей» «...Вместе с товарищами всей России будем готовиться к решительной победе рабочих всего мира!» ⁴⁵

Партийная организация в конце 1905 – начале 1906 гг. и возникновение профессиональных союзов. Вскоре партийная организация оправилась от удара, и работа пошла усиленным темпом.

Организованная во время летней стачки боевая дружина выросла в большую и недурно вооружённую силу, подчинённую непосредственно городскому комитету партии. Всех дружинников насчитывалось около сотни. Во главе дружины продолжал стоять тов. Уткин («Станко»); на обязанности дружины лежала охрана митингов, массовок и «летучек» от нападений казаков и черносотенцев.

По воспоминаниям Ф. Н. Самойлова, «в связи с подготовлявшимся в Москве в декабре 1905 г. вооружённым восстанием Ивановская парторганизация ставила вопрос об организации восстания и в Иваново-Вознесенске. Поэтому ивановским дружинникам вначале было запрещено ехать в Москву, но затем группа их во главе с товарищем Фрунзе и «Станко» поехала на помощь московским рабочим». ⁴⁶

За время восстания иваново-вознесенские дружинники принимали участие в боях на Сухаревке (ныне Колхозная площадь) и на Пресне.

В конце 1905 г. на окружной социал-демократической конференции в Шуе создана была окружная социал-демократическая организация, объединившая организации промышленных пунктов Иваново-Вознесенского района, выросшие в революционной борьбе 1905 г., – Шую, Кохму, Лежнево, Тейково, Горки, Шорыгино, Гаврилов-Посад, Родники и Середу. Конференция избрала окружной Иваново-Вознесенский комитет РСДРП, утверждённый вскоре Центральным Комитетом партии.

Центром новой социал-демократической организации была назначена Шуя. В Иваново-Вознесенске остался городской комитет.

Во время выборов в первую Государственную думу партийная организация Иваново-Вознесенска по постановлению Всероссийской конференции большевиков вела усиленную устную и печатную агитацию за бойкот думы.

Кампания бойкота среди революционно настроенных широких рабочих масс имела большой успех. Только на некоторых фабриках и заводах при поддержке фабрично-заводской администрации и небольших кучек черносотенцев были выбраны «уполномоченные» по выборам в Государственную думу.

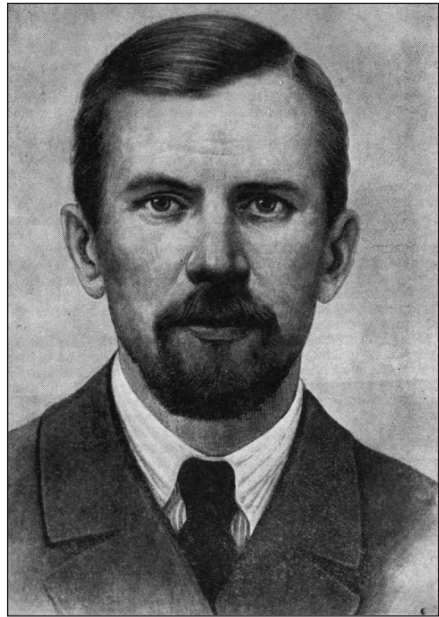
Декабрьское вооружённое восстание было кульминационным пунктом в развитии первой русской революции. После его поражения революционное движение пошло на убыль. Началось отступление, но рабочий класс отступал медленно, с боями. В 1906–1907 гг. казалось, что ещё можно будет поднять массы на новую всеобщую стачку, на вооружённое восстание.

Одновременно с нелегальной работой партия широко использовала легальные методы и формы борьбы. Одной из них была деятельность профсоюзов.

После издания «Временных правил о профессиональных обществах и союзах» 4 марта 1906 г. в партийной организации возник вопрос о создании на основании этих правил профессиональных организаций. Большинство членов партии стояло за организацию союзов. По поручению партийного комитета с весны 1906 г. тт. Самойлов, Гандурин и др. приступили к организации профессиональных союзов. К осени 1906 г. был оформлен союз рабочих ситцепечатных фабрик г. Иваново-Вознесенска.

По инициативе партийной организации 4 сентября 1906 г. оформился Иваново-Вознесенский союз ткачей. 30 октября 1906 г. – союз торгово-промышленных служащих. Из союза рабочих ситцепечатных фабрик вскоре выделились кузнецы, слесари, токари и прочие рабочие механических цехов и образовали самостоятельный союз механических рабочих, открытый 25 ноября 1906 г.⁴⁷

«Правление союза ткачей и ситцепечатников было почти поголовно боль-

Ф. Н. Самойлов.

шевистским, в правление союза торгово-промышленных служащих тоже входило много партийных товарищей... Партия полностью использовала их легальное положение...»⁴⁸

Первые четыре союза в начале своего существования росли и крепили, собирая силы для предполагавшейся в недалёком будущем областной стачки текстильщиков. В своей деятельности союзы поэтому ограничивались пока агитационно-просветительной работой в виде устройства легальных массово-агитационных собраний, лекций, выдач для чтения членам книг из своих библиотек, оказания материальной помощи нуждающимся безработным членам. К марту 1907 г. в союз ситцепечатников входило 1600 человек, в союз ткачей – 870, в союз механических рабочих – 1200 человек.⁴⁹

Рабочее движение 1906–1907 гг. Упорные слухи о предстоящей в Иваново-Вознесенске новой всеобщей стачке носились ещё в апреле 1906 г. В этом месяце был сильный подъём стачечного движения с требованиями повышения зарплаты, выдачи квартирных денег, окончания сменных работ перед праздничными днями в шесть часов, устройства читален, родильных помещений и пр.

Буржуазия и её орган – городская управа вместе с фабричной инспекцией и полицией в связи с нарастанием стачечного движения выражали сильное беспокойство. В город стягивались войска.

Организованно прошла маёвка 1906 г. Всю неделю перед Первым мая за городом происходили собрания рабочих и велась агитация по фабрикам за забастовку в день 1 Мая. Накануне, 30 апреля, за городом состоялся митинг, на котором присутствовало 800–1000 человек. На митинге было решено всеми силами стремиться к устройству забастовки в день 1 Мая. Действительно, к 10 часам утра 1 Мая большинство фабрик прекратило работу. Не обошлось без вмешательства казаков: на одном из заводов при выходе рабочих казаки напали на них и избили.

Лето 1906 г. перемежалось отдельными частичными забастовками. Почти ежедневно рабочие собирались за городом на сходки. Сходки обычно начинались речами экономического характера, но затем выступления принимали политический характер, выдвигались вопросы всеобщей стачки и вооружённого восстания. Заканчивались сходки пением революционных песен. По жандармским сообщениям, на одной из сходов высказывались предположения, что «если казаки с красными околышами, т. е. донские, окажут содействие или не будут препятствовать революционерам, то они во время предстоящего восстания возьмут верх. Вся боевая дружина (рабочих), готовая и вооружённая, состоит из 500 человек и может при первом же успехе возрасти до 1200 человек. Сочувствующих делу революции – 20 тысяч рабочих».⁵⁰

Стачечное движение в течение 1906–1907 гг. держалось на очень высоком уровне. В 1906 г. в городе было 29 стачек с 12 027 участниками, в 1907 г. – 25 стачек с 17 596 участниками.⁵¹

Зимой 1906–1907 гг. руководители профессиональных союзов и партийной организации поставили перед собой задачу придать рабочему движению более чёткие организационные формы. По инициативе союза ситцепечатников 26 декабря 1906 г. состоялась Иваново-Вознесенская окружная конференция профессиональных союзов, обсудившая вопрос о рабочем движении и вопрос об организации областной стачки текстильщиков. Вскоре началась подготовка конференции профессиональных союзов Московской области.

Иваново-Вознесенский союз РСДРП и городская партийная организация в конце 1906 – начале 1907 гг. Иваново-Вознесенская партийная организация к 1907 г. достигла наивысшего за период революции 1905–1907 гг. расцвета. По воспоминаниям О. А. Варенцовой, «...с половины 1906 г. до осени 1907 г. партийная организация существовала почти открыто. Фабричные собрания, митинги, конференции устраивались на глазах полиции, занявшей выжидательную позицию. Прокламации, нелегальные газеты распространялись в таком большом количестве, что фабричная администрация и полиция были бессильны бороться с «этим злом», вынуждены были мириться с ним».⁵²

Осенью 1906 г. по инициативе городского и окружного комитетов была создана районная партийная конференция, которая решила объединить все организации района в одну под названием «Иваново-Вознесенский Союз РСДРП». По инициативе М. В. Фрунзе, руководившего тогда Шуйской организацией, был образован «Союзный Совет» и «Исполнительное бюро». Иваново-Вознесенск являлся центром крупнейшей для того времени социал-демократической организации, насчитывавшей до пяти тысяч членов и обнимавшей район, в который входили Иваново-Вознесенск, Шуя, Кохма, Лежнево, Южа, Тейково, Гаврилов-Посад, Середа, Родники.

Характеризуя жизнь и работу партийной организации за лето и осень 1906 г., М. В. Фрунзе в своих воспоминаниях писал: «...Приходится поражаться той колоссальной энергии и той жажде знания, которые проявлялись передовыми рабочими. Занятые большую часть дня тяжёлой работой, живя и питаясь самым невозможным образом, они находили достаточно сил для посещения нелегальных митингов, лекций, пропагандистских кружков, организационных заседаний. И всё это происходило в обстановке постоянной опасности быть схваченными, избитыми и даже убитыми. Собирались и в дождь, и в снег, в лесу, в сараях, в овинах и пр. Великое, незабвенное время всеобщего энтузиазма и порыва! Как больно сознавать, что целый ряд прекрасных товарищей так и не дождал до величайшего в мире переворота, подготовке которого ими отдано было всё – свобода и жизнь!...»⁵³

В обстановке высокого подъёма и широкой организации революционного движения в это время была предпринята попытка издания местного большевистского периодического органа под названием «Известия Иваново-Вознесенской организации Российской социал-демократической рабочей партии». Несомненно, что в этом деле активнейшее участие принимал М. В. Фрунзе,

входивший в состав Союзного Совета и Исполнительного бюро Иваново-Вознесенского Союза РСДРП. О выходе в Иванове большевистской газеты издававшаяся тогда во Владимире либеральная газета «Владимирец» в корреспонденции от 24 сентября 1906 г. сообщала: «На днях вышел № 1 местной нелегальной газеты «Известия Иваново-Вознесенской организации Российской социал-демократической рабочей партии». Размер «Известий» – лист писчей бумаги с мелким, убористым шрифтом. В тексте в некоторых местах, очевидно, за недостатком букв, поставлены чёрточки. В общем же с внешней стороны номер издан вполне удовлетворительно».

В корреспонденции прямо указывалось, что это издание большевистское.

В «Известиях» освещались основные и острейшие политические вопросы того времени. В статье «После роспуска думы» выяснялся вопрос о союзе рабочих и крестьян против царизма. Этому же вопросу в «Известиях» посвящено было «Письмо областного бюро» и «Резолюция областной конференции о работе среди крестьян». В статье «Каков наш лозунг» доказывалась непригодность лозунга восстановления думы. Откликом на тогдашнее внутрипартийное положение было опубликованное постановление общегородской конференции Иваново-Вознесенска: «Конференция единогласно решила, что желателен и необходим пятый съезд партии...». В отделе «На фабриках и заводах» помещены корреспонденции с восьми предприятий города, широко освещавшие тяжёлый гнёт капитала и полицейский сыск, господствовавшие на фабриках.

В конце газеты указаны издатель, типография и дата: «Иваново-Вознесенский комитет РСДРП. Типография комитета. Сентябрь 1906 г.».⁵⁴ О выходе следующих номеров неизвестно.

Весной 1907 г. РСДРП готовилась к пятому (Лондонскому) съезду. О подготовке партийной организации Иваново-Вознесенска тов. Гандурин, один из делегатов организации на съезд, рассказывает: «В начале апреля Иваново-Вознесенский социал-демократический союз созвал конференцию. Конференция собралась в Боголюбовской слободке, в квартире Семёна Балашова... Конференция слушала доклад о работе ЦК, доклад был направлен против меньшевиков... Странников меньшевистского ЦК на конференции не оказалось, но прения развернулись горячие... По окончании прений стали выбирать делегатов...»⁵⁵

Выбраны были одни большевики: И. Коротков, К. Гандурин, В. Голубев и др.

Делегатом на V съезд Шуйская организация РСДРП выбрала М. В. Фрунзе, но на съезд он не попал, так как в конце марта 1907 г. в г. Шуе он был арестован.

Ивановская делегация на Лондонском съезде представляла собой монолитную большевистскую группу. В ней, как и в других большевистских организациях, преобладали рабочие, в отличие от меньшевистских организаций, в которых интеллигенция и выходцы из мелкобуржуазных групп населения составляли большинство. Вместе с большевиками Петербурга, Москвы, Ура-

ла и Донбасса Ивановская организация проводила тактику большевиков.

«Очевидно, – писал И. В. Сталин в «Записках делегата» («Лондонский съезд РСДРП»), – тактика большевиков является тактикой крупно-промышленных пролетариев, тактикой тех районов, где классовые противоречия особенно ясны и классовая борьба особенно резка. Большевизм – это тактика настоящих пролетариев... Меньшевизм – это тактика полубуржуазных элементов пролетариата». ⁵⁶

В конце 1906 г. началась избирательная кампания во вторую Государственную думу, в которой партийная организация приняла самое активное участие. Тактика бойкота, проводившаяся в отношении первой Государственной думы, согласно решению общероссийской конференции РСДРП (ноябрь 1906 г.) была заменена широким участием в выборах. В результате на 24 предприятиях уполномоченными прошли социал-демократы большевики. Один из уполномоченных Иваново-Вознесенска рабочий большевик Н. А. Жиделёв был избран депутатом в думу от рабочих Владимирской губернии.

В феврале 1907 г. городская партийная организация отправлявшемуся в Петербург Н. А. Жиделёву устроила грандиозные проводы. Все фабрики и заводы в городе остановились; рабочие явились к вокзалу, чтобы проводить своего депутата. На митинге был прочитан наказ рабочих своему депутату.

Продолжавшийся подъём революционного настроения нашёл своё выражение в возобновлении попытки издания большевистской организацией Иваново-Вознесенска в 1907 г. местной газеты. Эту попытку сделала тогдашний секретарь организации Ц. Зеликсон-Бобровская. Налажена была типография, заготовлен материал, начали набирать газету, которой, по воспоминаниям Ц. Зеликсон-Бобровской, дано было название «Борьба», но начавшиеся нелады с типографией и приближавшаяся реакция заставили прекратить это дело, и газета не увидела света. ⁵⁷

Неудачной оказалась и попытка празднования в 1907 г. 1 Мая. Партийная конференция решила 1 Мая устроить большой митинг в лесу (по дороге в Балино). 30 апреля по всем фабрикам и заводам распространялась первомайская листовка. Однако полиция выследила митинг, который и был разогнан казаками, избившими его участников.

«Неудачно проведённое 1 Мая, – говорит в своих воспоминаниях Ц. Зеликсон-Бобровская, – послужило как бы поворотным Пунктом в жизни Иваново-Вознесенской организации и приподнятом настроении широких рабочих масс Иванова. После первого мая настроение это стало заметно понижаться, и при наличии такого понижения пришлось нам доводить до конца начатое ранней весной дело с подготовкой областной забастовки». ⁵⁸

Подготовка областной стачки. В феврале 1907 г. в Москве состоялась нелегальная «Первая областная конференция профессиональных союзов рабочих по обработке волокнистых веществ Московского промышленного района», на которой присутствовали представители иваново-вознесенских

союзов ситцепечатников и ткачей. Конференция постановила: «Повести самую широкую как устную, так и письменную агитацию для внедрения в сознание масс идеи необходимости областной стачки».⁵⁹

2 марта 1907 г. состоялась «Вторая конференция Иваново-Вознесенского–Кинешемского–Шуйского района». На конференции присутствовало 12 делегатов от 10 510 рабочих, в том числе три делегата от Иваново-Вознесенского союза ситцепечатников, ткачей и механических рабочих, объединявших 3570 рабочих. Как видно, Иваново-Вознесенск и в начавшемся профессиональном движении, как и в партийной жизни района, стал занимать выдающееся и руководящее положение.

Конференция постановила «создать местное объединение союзов» и «учредить объединяющий центр» (периодические съезды делегатов, исполнительная комиссия). По вопросу об областной стачке «признано обязательным проведение в жизнь постановления областной конференции в Москве».⁶⁰

Начавшаяся ещё раньше кампания за областную стачку летом 1907 г. развернулась с новой силой. Профессиональные союзы устраивали большие легальные агитационные собрания, на которых в присутствии полиции открыто провозглашались решительные призывы к стачке.

Партийная организация устраивала массовки и выпускала прокламации. Агитация развилась так сильно, что среди рабочих на фабриках и заводах темой разговоров постоянно служила стачка.

Но политическая обстановка становилась уже неблагоприятной. Реакция поднимала голову. В июне 1907 г. царское правительство распустило вторую Государственную думу, арестовало социал-демократическую фракцию и издало новый избирательный закон, отдававший Государственную думу в руки дворян-помещиков и крупных капиталистов.

Состоявшаяся в Москве 10–12 июня 1907 г. вторая областная конференция текстильщиков, в которой участвовали и делегаты иваново-вознесенских профессиональных союзов, вынесла решение о проведении областной стачки. Иваново-вознесенцы готовились начать стачку и выбрали уже стачечный комитет, в который вошло много видных партийных работников. Однако сообщение о провале стачки в других пунктах центральной промышленной области, переданное приехавшим в Иваново-Вознесенск представителем Московского областного бюро РСДРП, обсуждённое на нелегальном собрании представителей всех союзов, заставило отложить стачку до более благоприятного момента.⁶¹

Провал областной стачки понизил настроение рабочих, что быстро отразилось на деятельности профессиональных союзов. Число членов союзов стало убывать, общие собрания стали собираться реже.

Партийная организация всеми силами стремилась поддержать революционное настроение рабочих. Осенью 1907 г. она начала кампанию за устройство однодневной стачки протеста против суда над арестованной цар-

ским правительством социал-демократической фракцией второй Государственной думы.

При выборах в третью Государственную думу осенью 1907 г. партийная организация использовала избирательную кампанию для развития устной и письменной агитации среди рабочих. В результате уполномоченными по выборам в Государственную думу от рабочих фабрик и заводов Иваново-Вознесенска прошли преимущественно большевики. Иваново-вознесенский кандидат С. А. Воронин был избран в последующих инстанциях депутатом в думу. Партийная организация устроила С. А. Воронину в день отъезда в Петербург проводы, на которые явилось много рабочих. Однако эти проводы не были так дружны и многолюдны, как проводы Н. А. Жиделёва. Сказались и понижение интереса к Государственной думе и подавленное, вследствие начавшейся реакции, настроение рабочих. Закончилась эпоха первой русской революции, наступал тяжёлый, хотя и непродолжительный период реакции.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- 1 Листовки Иваново-Вознесенской большевистской организации 1900– 1917 гг. Ивановское книжное издательство, 1957, стр. 40–41.
- 2 Б. В. Златоустовский. Стачечное движение в Иваново-Вознесенском фабричном районе. 1928, стр. 17.
- 3 С. И. Балашов. Рабочее движение в Иваново-Вознесенске. Журн. «Пролетарская революция» № 9, 1925, стр. 156–157.
- 4 1905-й год в Иваново-Вознесенском районе. «Основа», 1925, стр. 55.
- 5 Там же, стр. 60–61.
- 6 П. М. Экземплярский. Всеобщая стачка рабочих и Совет рабочих депутатов в Иваново-Вознесенске. 1905, Изгиз, 1940.
- 7 Листовки, стр. 45–46.
- 8 Там же, стр. 49.
- 9 С. И. Балашов. Рабочее движение в Иваново-Вознесенске, стр. 164.
- 10 На путях к победе. Ивоплиз, 1940, стр. 79.
- 11 «Вперёд» и «Пролетарий». Вып. 2, М., 1924, стр. 56–57.
- 12 Госархив Ивановской области. ОДФ, Фабрика Н. Дербенёва, оп. 1, д. 607, л. 73.
- 13 Листовки, стр. 56–57.
- 14 Там же, стр. 58–59.
- 15 М. В. Фрунзе. К истории социал-демократии в пределах Иваново-Вознесенской губернии. Иваново-Вознесенский губернский календарь на 1919 г., стр. 83.
- 16 Ф. Н. Самойлов. По следам минувшего. М., 1954, Госполитиздат, стр. 57.
- 17 Ф. Н. Самойлов. По следам минувшего. 1940, стр. 50.
- 18 Дата конференции и количество её участников указаны по корреспонденции «Пролетария» (1905 г. № 4) и воспоминаниям С. И. Балашова (журнал «Пролетарская революция» № 9, 1925, стр. 164–165).
- 19 Листовки, стр. 62.
- 20 Там же, стр. 60–61.
- 21 На путях к победе. Ивоплиз, 1940, стр. 104.
- 22 Ленин. Соч., т. 11, стр. 103.
- 23 Журн. «Образование» № 3, 1906, отд. 2, стр. 40.

- 24 Ф. Н. Самойлов. По следам минувшего. 1954, стр. 57.
- 25 Ф. Н. Самойлов. Первый Совет рабочих депутатов. М., 1935, стр. 111.
- 26 Листовки, стр. 75–76.
- 27 Владимирские губернские ведомости № 27, 1905.
- 28 ЦГИАМ. Фонд департамента полиции, 1905, ф. 4, д. 30, л. 165.
- 29 Ф. Н. Самойлов. Первый Совет рабочих депутатов. М., 1935, стр. 98–99.
- 30 Листовки, стр. 92–94.
- 31 Ф. Н. Самойлов. Первый Совет рабочих депутатов. М., 1935, стр. 81.
- 32 На путях к победе. Ивоблгиз, 1940, стр. 104.
- 33 1905-й год в Иваново-Вознесенском районе. «Основа», 1925, стр. 78.
- 34 Листовки, стр. 97–99.
- 35 Ленин. Соч., т. 9, стр. 308–309.
- 36 Госархив Ивановской области. ОДФ. Фабрика Н. Дербенёва, оп. 1, д. 607.
- 37 Там же.
- 38 Листовки, стр. 100–102.
- 39 Там же, стр. 103–106.
- 40 Там же, стр. 115.
- 41 Там же, стр. 116–119.
- 42 Ф. Н. Самойлов. По следам минувшего. М., 1940, стр. 101–102.
- 43 М. В. Фрунзе. К истории социал-демократии в пределах Иваново-Вознесенской губернии. Иваново-Вознесенский губернский календарь на 1919 г., стр. 86.
- 44 На путях к победе. Ивоблгиз, 1940, стр. 140–142.
- 45 Листовки, стр. 123–125.
- 46 Ф. Н. Самойлов. По следам минувшего. 1940, стр. 109–110.
- 47 Госархив Владимирской области. ОДФ. Канцелярия владимирского губернатора, д. 224, за 1907 г.
- 48 Ф. Н. Самойлов. По следам минувшего. 1940, стр. 125.
- 49 М. Заяц. Текстили в годы первой русской революции. М., 1925, изд. ЦК профсоюза текстильщиков, стр. 67.
- 50 Б. В. Златоустовский. Стачечное движение в Иваново-Вознесенском фабричном районе. 1928, стр. 67.
- 51 Там же, стр. 62.
- 52 О. А. Варенцова. М. В. Фрунзе в Иваново-Вознесенском районе (1906–1907 гг.). Журн. «Пролетарская революция», № 12, 1925, стр. 204.
- 53 М. В. Фрунзе. К истории социал-демократии в пределах Иваново-Вознесенской губернии. Иваново-Вознесенский губернский календарь на 1919 г., стр. 87.
- 54 На путях к победе. Ивоблгиз. 1940, стр. 146–159.
- 55 К. Гандурин. Эпизоды подполья. Ивгиз, 1941, стр. 111.
- 56 И. Сталин. Соч., т. 2, стр. 49–50.
- 57 Ц. Зеликсон-Бобровская. За первые двадцать лет. Записки рядового подпольщика. Изд. «Старый большевик», М., 1932, стр. 246–253.
- 58 Там же, стр. 255–258.
- 59 М. Заяц. Текстили в годы первой русской революции, ртр. 158–159.
- 60 Там же, стр. 67–69.
- 61 Ф. Н. Самойлов. По следам минувшего. М., 1940, стр. 134.